

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ИУДЕЙСКИХ ОБЩИН КРЫМА В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ С РЕЛИГИЕЙ В 1920–1930-х ГОДАХ

Дмитрий Анатольевич Прохоров¹, Елена Владимировна Латышева²

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

¹ *prohorov1da@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-4705>*

² *elenaipad2@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0142-2876>*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы существования и функционирования объектов религиозного культа представителей иудейских общин Крыма – евреев, караимов и крымчаков – в условиях борьбы с религией в СССР в 1920–1930-х гг. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1921 по 1936 гг. и обусловлены окончанием Гражданской войны и окончательным установлением советской власти в Крыму, созданием Крымской АССР в составе РСФСР. В середине 1930-х гг. антирелигиозная кампания достигла своего апогея, полностью ограничив деятельность религиозных общин, многие из которых были ликвидированы, а культовые здания – переданы новым хозяевам и перепрофилированы. Дана характеристика мероприятиям, проводившимся местными органами власти по отношению к религиозным общинам в зависимости от их конфессиональной принадлежности, изучены связанные с этим фактором особенности договорных отношений на передачу богослужебного имущества и культовых сооружений.

Ключевые слова: Крым, религиозная политика, евреи, караимы, крымчаки, синагоги, кенасы

THE SACRAL ARCHITECTURE MONUMENTS OF CRIMEAN JUDAIC COMMUNITIES UNDER THE CONDITION OF ANTI- RELIGIOUS CAMPAIGN IN THE 1920s–1930s

Dmitry A. Prokhorov, Elena V. Latysheva

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

¹ *prohorov1da@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-4705>*

² *elenaipad2@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0142-2876>*

Abstract. This article addresses the aspects of the existence and functioning of the sites of religious cult of Crimean Judaic communities, Jews, Karaites, and Krymchaks, during the anti-religion campaign in the USSR in the 1920s and 1930s. Chronological frames of this research comprise the period from 1921 to 1936, from the end of the Civil War, the final establishment of the Soviet power in the Crimea, and the foundation of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic as a part of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. The anti-religious campaign reached its summit in the mid-1930s with the total restriction of the works of religious communities; many of the latter were abolished, and their religious buildings were delivered to new masters, and changed their function. We have given characteristics to the local bodies of power's activities concerning the religious communities according to their confessions, and have studied the related specificities of contractual arrangements for the transition of liturgical properties and religious buildings to new masters.

Keywords: Crimea, religious policy, Jews, Karaites, Krymchaks, synagogues, kenassas

© Прохоров Д. А., Латышева Е. А., 2020

Как известно, культовая архитектура является одним из важнейших показателей развития духовной культуры того или иного народа. Крымский полуостров с его поликонфессиональным и многоэтническим составом населения на протяжении всей своей истории играл роль духовного центра для многих народов. Их представители были и являются носителями разных религий, придерживающихся различных традиций.

Предметом данного исследования является история функционирования объектов культовой архитектуры иудейских общин на территории Крымского полуострова в 1920–1930-х гг. в условиях проведения советскими властями антирелигиозной политики. Проблемы взаимоотношений христианских, иудейских и мусульманской конфессий и советской власти в 1920–1930-е гг. в Крыму ранее рассматривались в работах Ю. А. Катунина [32–34], Р. Н. Белоглазова [2–10], В. Ю. Ганкевича [15], О. Б. Белого [11; 12], Е. Е. Бойцовой [13–15; 30], Б. В. Змерзлого [28; 29], В. А. Ельяшевича [23–27], Э. С. Муратовой [15], Э. М. Хайруддиновой [57], З. З. Хайрединовой [15], Г. Р. Ахмедовой (Г. Р. Дедковой) [1; 20], Ю. Н. Гусевой [17], Н. А. Давыдовой [18; 19], Н. В. Павленковой [36], С. А. Дубинчук [22], протоиерея Н. Н. Доненко [21], И. В. Рыбак [39; 40], Н. М. Терещук [48–51], В. Н. Гурковича [16], А. А. Фесенко [53–55], С. Б. Филимонова [56], Г. Н. Кондратюка [31]. Тем не менее, история существования культовых объектов евреев, караимов и крымчаков в указанный период проанализирована недостаточно полно, что обуславливает актуальность настоящей публикации. Выявление и анализ особенностей антирелигиозной работы по отношению к еврейским, караимским и крымчакским общинам, а также к сооружениям их религиозного культа являются целью предлагаемого исследования. В статье использовались различные статистические материалы, документы Государственного архива Республики Крым (г. Симферополь), при этом некоторые из них вводятся в научный оборот впервые.

Крымская Автономная Социалистическая Советская Республика (КрымАССР) была образована 18 октября 1921 г. в составе РСФСР. На территории Крымского полуострова вступил в силу декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г., в соответствии с которым церковь была отделена от школы, а государство – от церкви. В данном документе присутствовал пункт, согласно которому «здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ», при этом все культовые сооружения передавались в ведение церковных отделов, а верующие должны были подавать в церковный отдел заявление с просьбой о передаче им богослужебного имущества [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 11. Л. 58; 41, с. 861]. Это постановление позволило советским органам вести учёт всех культовых сооружений на территории Крымского полуострова. 20 апреля 1921 г. Крымревком издал приказ № 349 о претворении в жизнь декрета об отделении церкви от государства [34, с. 249].

В декабре 1921 г. СНК Крымской АССР принял постановление о регистрации всех церквей и молитвенных домов, которая должна была пройти в 30-дневный срок.

Для исполнения и наблюдения за процессом регистрации создавался ряд межведомственных структур, отвечавших за реализацию декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. Одновременно возникла и потребность в конкретизации полномочий для определения степени участия других административных органов, занимавшихся тем же вопросом. После необходимого уточнения стало очевидно, что курирование одного и того же направления несколькими межведомственными организациями одновременно не принесёт положительных результатов. Поэтому 21 марта 1922 г. принимается постановление о роспуске Межведомственной комиссии по отделению церкви от государства и её территориальных аналогов, а также ликвидации недавно созданного со схожими полномочиями VIII отдела Народного комиссариата юстиции Крыма (НКЮ) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 11. Л. 11–15; Д. 12. Л. 15].

Для повышения эффективности работы с религиозными группами и в целях усиления контроля за работой того или иного религиозного сооружения в декабре 1923 г. вышло постановление СНК Крымской АССР, в котором говорилось: «Утверждение и регистрацию религиозных обществ в порядке декрета ВЦИК и СНК от 3/ VIII 22 г. <...> изъять из ведения органов милиции и сосредоточить соответственно в НКВД и Райисполкомах» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 383. Л. 12]. В январе 1923 г. при НКВД и окрисполкомах создаются ликвидационные комиссии, в задачу которых входила ликвидация культовых сооружений различных конфессий, находившихся в непосредственной близости от государственных учреждений, либо храмов и молитвенных домов, не соответствующих, по мнению правительства, установленным нормам архитектурной застройки. Центральная ликвидационная комиссия занималась контролем за выполнением распоряжений на местах, а в её состав входили сотрудники Наркомата юстиции, Центрального совета народного хозяйства, Крымского коммунального хозяйства, Народного комиссариата просвещения и НКВД.

С 27 апреля 1923 г. всеми вопросами, связанными с регистрацией религиозных общин, с предоставлением верующим объектов культового назначения, занимался «Церковный Отдел НКВД Крыма и церковных столов райисполкомов», в обязанности которого входило руководство проведением церковной реформы, контроль над искоренением религиозных предрассудков, учёт всех храмов и культовых зданий, а также разработка правил сдачи их в аренду. Указанный подраздел должен был контролировать соблюдение советских законов и следить за исполнением всех указанных нормативов [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 383. Л. 13]. Это учреждение занималось проведением в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви; им рассматривались договоры и дела по расторжению договоров, а также дела по ликвидации храмов [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 845. Л. 11].

Для того, чтобы получить одобрение и взять церковное здание и имущество в аренду, группа верующих обязана была насчитывать не менее 20 человек (каждый из которых должен был достигнуть 18-летнего возраста), составлявших так называемую «двадцатку» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 154. Л. 9]. Договор заключался обязательно в присутствии нотариуса, который должен был засвидетельствовать, что

верующие собственноручно подписали договор. Представителям всех конфессий в недельный срок после опубликования приказа Крымревкома № 349 вменялось в обязанность предоставить в окрисполкомы следующие документы: 1. Опись движимого и недвижимого имущества и капиталов в 3-х экземплярах; 2. Отдельную инвентарную опись имущества, предназначенного для богослужебных целей, в 3-х экземплярах; 3. Печати, штампы и бланки религиозной организации или культового объекта [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 222. Л. 20]. При этом сами печати и бланки заказывать разрешалось, однако исключительно для религиозных целей, поскольку метрические справки и прочие документы актов гражданского состояния после 1918 г. потеряли юридическую силу, а все функции по регистрации браков, рождений и смертей уже были переданы органам ЗАГСa [43].

В этой связи особый интерес представляет порядок разделения по секциям движимого и недвижимого имущества, и прежде всего по его оценочной стоимости. Выдавая разрешение функционировать тому или иному культовому сооружению, местные органы власти производили тщательную опись всего церковного имущества. Вещи из драгоценных металлов сразу же изымались и передавались в Гохран СССР, созданный в 1920 г. на основании декрета СНК РСФСР для «централизации, хранения и учёта всех принадлежащих РСФСР ценностей» как Государственное хранилище ценностей Наркомфина. Имущество, которое не представляло особой материальной ценности, передавалось верующим [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 386. Л. 5]. При этом полученное церковью «в бесплатное пользование» имущество подлежало налогообложению. В случае же, если культовое сооружение изымалось у верующих, религиозная организация могла перенести движимое богослужебное имущество в другое помещение. Однако это касалось только предметов, необходимых для мероприятий культовой обрядности. Мебель, ковры или же иное имущество после закрытия культового сооружения передавались в Госфонд, где распределялись на общих основаниях [Там же].

19 июля 1923 г. Народный комиссариат юстиции принял инструкцию «По вопросам, связанным с проведением декрета “Об отделении церкви от государства”», которая запрещала пропаганду религиозного учения [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 386. Л. 1–8]. В принятой в мае 1925 г. Конституции РСФСР подтверждалось лишение избирательных прав духовенства и членов их семей: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Не избирались и не могли быть избранными «монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией» [46, с. 13].

В первые годы своего существования Советское государство столкнулось со многими сложностями в отношении проведения антирелигиозной политики. Церковные столы не справлялись с возложенными на них функциям по осуществлению мероприятий в рамках антирелигиозного курса. Прежде всего это было связано с

отсутствием компетентных сотрудников, имеющих представление о религиозных особенностях как христианских, так и ряда нехристианских (в том числе, авраамических) конфессий. Одной из причин являлось отсутствие отчётности о проведённой работе, а также учёта самих культовых объектов [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 154. Л. 7]. Просчёты в осуществлении подобных мероприятий были особенно заметны в первой половине 1920-х гг., поскольку религиозность в обществе не только не уменьшалась, а напротив, даже возросла, особенно в сельской местности. Данные за 1923 г. красноречиво демонстрировали неэффективность такой политики – за год было расторгнуто всего 3 договора на передачу церковного имущества, при том, что заключено было 56 договоров. Церковные столы проявляли обеспокоенность ситуацией: «...цифра расторгнутых договоров не удовлетворительна и свидетельствует о том, что Райисполкомы не ведут должного наблюдения за гражданами» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 845. Л. 7].

Реализацией положения декрета об отделении церкви от государства на территории Крыма должен был заниматься Отдел управления, во главе которого стоял революционер, советский государственный и партийный деятель Ю. П. Гавен. В подчинении у Отдела управления находился подотдел записей актов гражданского состояния. В ведении этой структуры были вопросы фиксации актов гражданского состояния: рождения, смерти, браков и т. п. В информационном листке управления Крымревкома от 27 ноября 1920 г. сообщалось, что в Симферополе появились два самостоятельных подотдела ЗАГС [42, с. 28].

12 января 1924 г. Президиум КрымЦИК, в соответствии с постановлением пленума Крымского СНК от 11 января 1924 г., принял решение об упразднении НКВД и утвердил положение о создании Центрального Административного Управления (ЦАУ) Крымской АССР. Эта структура состояла при СНК на правах Центрального управления с одновременным подчинением ЦАУ НКВД РСФСР. У вновь созданной организации имелись свои функции, в число которых входили: «...охрана общественного порядка, контроль за исполнением административного законодательства, возбуждение административного и судебного преследования в случае нарушения, регистрации опекуинства и актов гражданского состояния, пресечение уголовной преступности, содействие всем органам власти в их деятельности, решение вопросов беженцев и иностранцев, проведение церковной политики» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 165. Л. 5; Д. 14. Л. 5].

При Райисполкомах и администрациях городов и сёл начали функционировать такие учреждения, как церковные столы. Их компетенцию составляло: «...проведение в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви»; кроме того, им вменялось в обязанность «руководить работой церковных столов при Исполкомах по всей территории Кр.[ымской] АССР и инструктировать их». Помимо вышеперечисленных функций, церковные столы также занимались «заключением договоров с группами верующих, делами по расторжению договоров и делами по ликвидации храмов» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 845. Л. 11]. Для предотвращения возможных хищений в отношении сохранности переданного церковного имущества

вёлся строгий контроль, особенно это касалось ценных предметов культа. Специфической чертой деятельности церковных столов стало активное содействие карательным органам в осуществлении контроля над церковными организациями. Религиозный вопрос курировался 6-м отделением секретного отдела, находившимся в составе секретно-оперативного управления Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР. Данное ведомство занималось делами, связанными с контрреволюционными заявлениями, шпионажем и бандитизмом. 15 ноября 1923 г. Президиум ЦИК СССР постановил преобразовать ГПУ НКВД в Объединённое государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР (НКВД РСФСР освобождался от функции обеспечения государственной безопасности). ОГПУ осуществляло наблюдение за церковными столами, а также активно вмешивалось в деятельность религиозных организаций с целью контроля внутренней жизни той или иной общины. Помимо этого, ГПУ занималось активной дискредитацией религиозных общин, что выражалось в фальсификации документов по оформлению арендных договоров, административных притеснениях оппозиционно настроенных прихожан и духовенства, и т. п. Как полагает Р. Н. Белоглазов, кампания по изъятию церковных ценностей ознаменовала собой начало глобального конфликта церковных структур различных конфессий и государства. И хотя крымские религиозные организации оказывали пассивное сопротивление конфискациям имущества, тем не менее, этого оказалось достаточно, чтобы начать судебное преследование духовенства и верующих [3, с. 31–34].

Прежде чем созданные организации приступили к практической работе, местные административные органы провели встречу с представителями наиболее многочисленных религиозных групп, среди которых находились и еврейские священнослужители. Так, например, керченская окружная комиссия по изъятию церковных ценностей уже на первое своё заседание 10 марта 1922 г. пригласила представителей религиозных общин всех вероисповеданий. Местные административные органы давали разъяснения о характере предстоящей кампании. В ходе этой встречи был определён круг вопросов, требовавших первоочередного исполнения: «...порядок предоставления описей имущества, указание точного адреса руководящих органов, предъявление списка прихожан, владевших церковной собственностью, подача в необходимые сроки заявлений о заключении договоров» [3, с. 32].

Несколько ранее, 17 февраля 1921 г., отдел управления Крымревкома запросил от местных управлений ревкомов сведения о наличии на их территориях монастырей и религиозных обществ, а также о числе монашествующих [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 153. Л. 8]. Например, в 1925 г. во время регистрации священнослужителей религиозных культов, проводившейся Севастопольским райисполкомом в соответствии с распоряжением ЦАУ Крымской АССР, число храмов и молитвенных домов (за исключением православных) в Севастополе составило: лютеранская кирха – 1; иудейских синагог – 3; армяно-григорианская церковь – 1; мусульманских мечетей – 28; караимская кенаса – 1; молитвенных домов евангелистов – 1, адвентистов – 1,

меннонитов – 1 [50, с. 217]. В ходе передачи группе верующих в бесплатное пользование здания Главной еврейской синагоги в Севастополе был заключён договор, зарегистрированный полномочным представителем Отдела управления Севастопольского окружного исполкома Ф. Ф. Боландиным. В документе указано, что подписи были сделаны собственноручно в присутствии севастопольского народного нотариуса Я. Е. Рубинова, который заверил 20 подписей членов общины (при этом они оплачивали услуги нотариуса самостоятельно). В 1925 г. в акте осмотра Главной еврейской синагоги сообщалось, что члены комиссии во главе с руководителем стола религиозных культов Быковым осмотрели наружную и внутреннюю часть здания и пришли к выводу, что «храм содержится в чистоте, а ремонт производится по мере надобности, здание охраняется. Инвентарь имеющийся в описи весь налично» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 19. Л. 10, 11]. Всего же в соответствии с архивными данными на 1 июля 1924 г. на территории Крыма числилось 34 синагоги (1 декабря 1923 г. две из них были закрыты) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 845. Л. 9].

Вместе с тем, в архивных документах отмечается, что наибольшее число зданий, переданных в пользование религиозным общинам, составляли объекты культового назначения христиан и мусульман: «...30–50% застрахованных культовых зданий падает на мусульманские храмы». По состоянию на 1 июля 1924 г. из 154 православных храмов 17 храмов было ликвидировано [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 845. Л. 7]. В целом же ситуация в православии осложнялась расколом, который привёл к распространению в Русской православной церкви (РПЦ) движения «обновленцев»; в мусульманской и караимской общинах тоже наметилось разделение на традиционалистов и сторонников прогрессивных изменений [50, с. 217]. Однако для всех без исключения религиозных групп, независимо от их религиозной принадлежности, действовало единое обозначение, которое характеризовало направленность в работе организации в виде «религиозной общины», без учёта конфессиональной принадлежности [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1587. Л. 77].

Помимо прочих мероприятий властей по ограничению свободы вероисповедания, при всех культовых сооружениях закрывались учебные учреждения, что позволило оградить молодёжь от изучения религии. Был установлен полный запрет на возможность религиозного образования для детей. 28 декабря 1920 г. появился циркуляр, изданный еврейским отделом Народного комиссариата просвещения о ликвидации традиционных еврейских образовательных учреждений – «хедеров» и «иешив». Немаловажным аспектом борьбы с церковью стала активная антирелигиозная пропаганда, хотя на начальном этапе ей уделялось недостаточно внимания, что приводило к её неэффективности. И поскольку число заключённых договоров на аренду зданий культового назначения, как уже отмечалось выше, не только не уменьшалось, а напротив, постоянно росло, власти приняли решение уделять данному вопросу большее внимание. Райисполком потребовал от местных органов власти «подробно и ясно указывать, что сделано вами в области проведения вышеуказанного декрета, и, кроме того, необходимо сообщать план работ на следующий

месяц» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 843. Л. 19]. Было также сделано распоряжение о том, что «здания учебных заведений всех видов и ступеней, так и в зданиях при них состоящих, занятые церквями, часовнями, молитвенными домами всех вероисповеданий подлежат освобождению и использованию исключительно в учебно-воспитательных целях» [Там же. Л. 20]. Для более успешной реализации мероприятий в рамках антирелигиозной кампании закрытие учебных заведений конфессиональной направленности должно было завершиться в кратчайшие сроки.

Итогом проводившейся кампании по борьбе с религией должно было стать уменьшение числа верующих, а это, в свою очередь, по замыслу инициаторов таких мероприятий, могло способствовать закрытию культовых сооружений. При этом власти делали акцент на особенно осторожной пропаганде атеизма среди мусульманского населения, поскольку, по мнению руководящих советских органов, она требовала «большой продуманности и осторожности». Предлагалось «вести пропагандистские кружки национальной ячейки по специальной национальной программе, согласно инструкции, опубликованной в № 5 журнала «Антирелигиозник» за 1926 г.»¹ [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 16].

Для того, чтобы атеистическая пропаганда приобретала массовый характер, в этот период предпринимается тиражирование периодических печатных изданий идеологической направленности. В частности, в одной из заметок севастопольской газеты «Маяк коммуны», издававшейся в 1920-х гг., декларировалось, что «попоедство явилось главным лозунгом и основной задачей безбожников Крыма» [44, с. 45, 46]. Однако атеистическая пропаганда должна была вестись с учётом сложной конфессиональной ситуации на полуострове. Для предотвращения возникновения конфликтов между верующими и безбожниками принимались различные меры: например, запрещалось «бросание камней, зажигание пороха <...> в оградах церквей и внутри храмов и других местах общественного пользования, зачастую направленных против обществ верующих и служителей культов» [47]. Проведение антирелигиозной политики поручалось отделу национальностей, который в 1926 г. реорганизовали в «Методический отдел Центрального совета безбожников» [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 14]. Для осуществления планомерной работы среди верующих на постоянной основе осуществлялся контроль за численностью религиозных организаций. В соответствии с отчётами «Союза воинствующих безбожников», на сентябрь 1926 г. в Крыму числилось 87 групп верующих [Там же. Л. 35].

Однако ни широкая атеистическая пропаганда, ни даже прямое давление на верующих со стороны партийного аппарата и органов администрации не смогли существенно повлиять на роль и значение религии в обществе. Верующие на свой страх и риск пытались брать в аренду богослужбное имущество. В 1928 г. в статье «Крым в сетях церквей и мечетей» всесоюзная газета «Комсомольская правда» сообщала,

¹ «Антирелигиозник» – ежемесячный журнал атеистической направленности на русском языке, печатное издание Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР. Издавался в Москве с января 1926 г. по июнь 1941 г.

что на территории полуострова продолжали действовать 867 храмов и только 155 изб-читален, а за три года возникли 33 «новые секты» [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 807. Л. 16]. По мнению крымского корреспондента газеты, подобная ситуация демонстрировала неспособность советской власти изменить привычный уклад жизни местного населения, и для решения данного вопроса требовались более решительные меры. В деле пропаганды атеизма и просветительской деятельности активную роль играли такие региональные и центральные газеты и журналы, как «Антирелигиозник», «Безбожник», «Красный Крым», «Революция и культура» и др. Особое внимание партийным руководством уделялось работе с этническими группами, с учётом их религиозных особенностей: «...в зависимости от достижений Советского строительства классовую борьбу можно развернуть глубже, при обязательном условии ведения её безбожниками этой же национальности» [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 16].

К разным конфессиональным группам применялись и различные меры по сдерживанию и нивелированию значения духовной жизни. Прежде всего, это происходило из-за разницы в сопротивлении советской власти. 16 сентября 1927 г. появился секретный циркуляр «О запрещении отвода постоянных мест для граждан в культовых зданиях». Так, например, севастопольская еврейская община в преддверии подготовки празднования иудейского осеннего религиозного праздника по сложившейся традиции производила отвод определённых мест для молящихся, за определённую плату в размере и в зависимости от близости данного места к трибуне кантора. Однако власти сделали всем еврейским организациями предостережение и обязали вывесить объявление о том, что «все места общие и любой гражданин может занять любое место», а председатели двадцаток в обязательном порядке давали расписку в том, что поставлены в известность о данном распоряжении [50, с. 219].

Для того, чтобы обезопасить собрания верующих, религиозные общины даже шли на определённые хитрости. Например, стремясь расположить к себе местные органы власти, в Севастополе общее собрание евреев – прихожан солдатской синагоги 31 августа 1924 г. при открытии собрания, по предложению его председателя, почтило вставанием «память незабвенного вождя мирового пролетариата В. И. Ленина», а затем присутствующие заслушали его доклады [50, с. 219]. Конечно, подобное заигрывание могло носить только временный характер и никак не влияло на антирелигиозный курс, проводимый государством.

Что касается политики советской власти в отношении ислама, следует отметить, что она носила не столь жёсткий атеистический характер, а деятельность агитационных групп была больше направлена на проведение мероприятий просветительского характера. На осторожность, с которой властные структуры действовали в отношении мусульман, указывают и архивные документы: для более эффективно проведения атеистической пропаганды внимание акцентировалось на необходимости «выделить способного и энергичного сотрудника, на которого возложить исполнение работы, к которой необходимо подойти с осторожностью и надлежащим тактом» [30, с. 273].

Что касается еврейского населения Крыма, то в первые годы после установления советской власти среди евреев активная антирелигиозная работа не велась. В первой половине 1920-х гг. советские власти стремились продемонстрировать мировой общественности, что ситуация в стране стабилизировалась. Еврейская газета «Дер Эмес» в марте 1922 г. сообщала: «Отдел агитации и пропаганды ЦК не будет оскорблять религиозные чувства» [45].

Как уже говорилось выше, наиболее сложной задачей при организации церковных отделов являлась нехватка профессиональных кадров. Недостаток образования и необходимых для работы в конфессиональной сфере знаний зачастую приводил к злоупотреблениям на местах и к конфликтам с верующими. Из-за фрагментарности сведений о наличии в том или ином районе Крыма синагоги, кенасы или молитвенного дома также возникали недоразумения. Данный факт подтверждает письмо, отправленное начокрумилиции г. Симферополя во время проведения переписи объектов религиозного культа в 1923–1924 гг.: «...сведения о числе церквей, синагог и мечетей оказались неточными, и пропущено несколько синагог, как например, одна из них на ул. Фонтанной, другая на ул. М. Фонтанной, а третья на Петропавловской ул. при жел. дор. Больнице <...> с этим можно предполагать, что в сведения не вошли ещё и другие богослужебные дома» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 843. Л. 1].

Несмотря на в целом сдержанную политику в отношении к нехристианским конфессиям (заметим, что эта терпимость не распространялась на православие, к которому власти относились как к одному из главных врагов советского строя) [45], осуществлялся жёсткий учёт зданий, священнослужителей и имущества, которым располагала та или иная религиозная община. С верующими заключали договора, позволявшие использовать то или иное культовое сооружение по их прямому назначению. Для этого было необходимо: «...произвести фактическую проверку капиталов и имущества, а затем заключить договора с группами верующих и передать им в бесплатное пользование молитвенные дома и богослужебное имущество» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 11. Л. 58].

Но даже после получения разрешения использовать религиозное имущество и проводить службы в определённых местах каждый шаг членов религиозных общин строго контролировался. Общие собрания разрешались только в том случае, если религиозная община за две недели до этого подавала заявку с подробным указанием повестки дня и докладчиков. На таких собраниях всегда присутствовали и должностные лица, на которых возлагались обязанность следить за ходом их проведения. В конце каждого собрания составлялся подробный доклад, который затем передавался в ОГПУ.

За религиозными группами был установлен надзор, осуществлявшийся Церковным отделом НКВД Крыма и церковными столами райисполкомов. Именно с последними религиозная община заключала договор об аренде того или иного здания для культовых нужд. Сам договор представлял из себя документ, состоявший из нескольких пунктов, в которых закреплялись права и обязанности общин. Например,

с Феодосийской еврейской религиозной общиной был заключён договор о порядке использования здания еврейской Хоральной синагоги. В данном документе перечислялись пункты, которые религиозная община обязывалась исполнять: «Мы нижеподписавшиеся граждане, обязуемся беречь переданное нам народное достояние и пользоваться им исключительно соответственно его назначения, принимая на себя всю ответственность за целостность и сохранность вручённого нам имущества, а также за соблюдение лежащих на нас по этому соглашению и иных обязанностей <...> Храмами и находящимися в них богослужебными предметами мы обязуемся пользоваться и представлять всем нашим единоверцам исключительно для удовлетворения религиозных потребностей» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 20. Л. 10]. Договор строго определял функции, необходимые и для отправления самих религиозных обрядов. При этом община обязывалась предоставлять здание для собраний рабочих и крестьянских депутатов. Группа верующих должна была следить за сохранностью имущества и не вести деятельность, которая могла быть истолкована как антисоветская.

Положение верующих постоянно усложнялось, и это было связано не только с бюрократической волокитой при оформлении необходимых документов для регистрации общины. В частности, это серьёзно отражалось и на финансовом положении верующих. Например, «договор со стороны исполкома подписывал специальный уполномоченный, подписи верующих заверялись в городах нотариусом, а в сельской местности – сельсоветом. Группа оплачивала гербовый сбор в размере 1 рубля 65 копеек» [4, с. 47].

Помимо всего прочего, заявление об использовании религиозной общиной культового здания, поданное в соответствующие органы, должно было быть засвидетельствовано нотариально. Данная процедура была платной, и за каждое подписание нотариус взымал 300 руб., как по заявлению верующих, так и по факту заключения самого договора [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 843. Л. 21]. По этой причине оформление договоров происходило очень медленно, и не каждая община могла довести дело до конца. Например, в Бахчисарае местная администрация докладывала в Бахчисарайскую районную комиссию, что регистрировать общину с большим количеством людей крайне неудобно. Поэтому для этих целей они «брали с собой трёх уполномоченных от граждан и шли с ними к нотариусу и заключали договор». В итоге из райисполкома Бахчисарае направили письмо, в котором, в частности, было сделано распоряжение: «...договора должны заключаться согласно инструкции, в городах нотариусом, а в сёлах и деревнях райисполкомками с группой верующих не менее 20 человек, а не с уполномоченными лицами» [Там же]. При этом следует подчеркнуть, что подобные ситуации отнюдь не являлись редкостью.

Религиозная община, взявшая в аренду здание, обязалась «допускать беспрепятственно во внебогослужебное время уполномоченных Отделом Управления лиц» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 214. Л. 8 об.]. При обнаружении контролирующими органами факта хищения имущества религиозной общине предъявлялся гражданский иск, по которому община обязана была возместить ущерб. В ряде случаев даже

возбуждалось уголовное дело. Так, например, произошло в Феодосии в отношении членов еврейской общины, обвинённых в хищении предметов из молитвенного дома М. С. Розенталя в связи с его закрытием. Среди прочих пунктов выдвинутого обвинения значилось и несоблюдение договора, ранее подписанного группой верующих. Выяснилось, что согласно описи переданного в 1921 г. общине имущества и в соответствии с актом о приёме и передаче имущества (1923 г.) комиссия установила недостачу 7 предметов. В соответствии с вынесенным приговором членов общины Сендера Гербильского, Лейбу Плискина, Израиля Беленького, Айзека Кричевского, Арно Осипова, Израиля Верчика, Соломона Беленского, Герша Будницкого, Абрама Мацова, Якова Штайнгольца, Лейба Равилина, Зиновия Родина суд признал виновными в нарушении декрета 23 января 1918 г. и постановил: «...объявить им общественное порицание, обязать всех обвиняемых с круговой друг за друга поручкой возвратить Феодосийскому Окрисполкому весь инвентарь молитвенного дома в 3-хдневный срок, а при невозвращении их уплатить стоимость их по рыночным ценам» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 14. Л. 15]. Сам же молитвенный дом М. С. Розенталя подлежал закрытию.

Местные власти продолжали осуществлять постоянный контроль за взятыми верующими в аренду зданиями. Этим на местах занимались пожарно-санитарные и технические комиссии, которые осматривали культовые объекты, обязывая религиозные общины перестраивать входы в здание или менять входные двери, заставляли приобретать различную противопожарную технику (вплоть до гидрантов).

Закрытие синагог по сведениям, заключённым в нормативных документах, происходило по разным причинам. Наиболее часто встречающимися являются указания на ветхость самого здания или же на отсутствие прихожан у того или иного культового сооружения. Например, в конце января 1923 г. президиумом Севастопольского окрисполкома была создана ликвидационная комиссия. Уже на одном из её первых заседаний был поставлен вопрос о ликвидации, в числе прочих, солдатской и крымчакской синагог, а также молитвенного дома Ю. М. Файнберга (последний располагался по ул. Гоголевской): «...в силу того, что еврейский молитвенный дом является домашним храмом и был построен на собственные средства жертвователя Ю. М. Файнберга – таковой ликвидировать» [51, с. 201]. Соответственно, договор об его аренде с верующими не заключался. Приказом президиума КрымЦИКа от 13 марта 1923 г. молитвенный дом Ю. М. Файнберга был ликвидирован и снят с учёта [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1140. Л. 9 об.; Д. 1300. Л. 76 об., 77].

Солдатской синагоге Севастополя удалось избежать ликвидации, поскольку выяснилось, что она была сооружена после окончания Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. солдатами в память о первой обороне Севастополя. До 1917 г. эта синагога являлась приходской, и поэтому ликвидации не подлежала [51, с. 201]. После принятия 23 февраля 1922 г. декрета ВЦИК РСФСР «Об изъятии церковных ценностей для нужд голодающих» еврейская солдатская синагога представила сведения о имевшихся среди её имущества ценностях. В их числе были изделия из серебра: Ке-

тер Тора («корона Торы»), венчающая стержни, к которым прикреплен свиток Торы; использовалась для украшения свитка Торы), «щит» с 10 заповедями (пластины, на которых на иврите двумя первыми словами обозначались Десять Заповедей; обычно располагались над ковчегом), два ритуальных подсвечника (канделябра), бокал и поднос. Впоследствии еврейская община обратилась в церковный стол с просьбой оставить им два серебряных канделябра, а взамен предложила комиссии серебряный лом такого же веса. Это предложение было принято, и указанные предметы были оставлены комиссией под личную ответственность казначея синагоги [51, с. 201].

Однако на подобные уступки власти шли далеко не всегда. Например, при изъятии комиссией серебряных Кетер Тора и щита в Главной еврейской синагоге Севастополя верующие (её посещало около 450 человек), изъявившие желание сохранить эти предметы культа, предложили на замену другие предметы, причём даже превышающие по стоимости культовые артефакты, и по этому случаю составили соответствующий акт. Тем не менее, документы всё же передали в ревтрибунал «для привлечения к ответственности духовное управление указанной синагоги за расхищение народного имущества» [51, с. 201]. Договор на аренду Главной еврейской синагоги община заключила 15 ноября 1922 г., а впоследствии она смогла пройти и перерегистрацию (протокол № 45), которая была отнюдь не формальным актом, регулировалась постановлением ВЦИК СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и ограничивалась сроком с 1 декабря 1929 г. по 1 мая 1930 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 26, 27; 41, с. 862–870]. Чего нельзя сказать о молитвенном доме «крымской еврейской общины» (крымчаков) – за месяц до начала объявленной перерегистрации постановлением бюро Севастопольского райкома ВКП(б) от 26 октября 1929 г., а затем и постановлением президиума КрымЦИКа от 25 февраля 1930 г. крымчакский молитвенный дом (в крымчакской традиции – кьаал, или кьа'ал) был закрыт. Члены двадцатки под давлением вынуждены были подписать заявление, что «дом этот построен на трудовые деньги трудящихся крымчаков гор.[ода] Севастополя и все время использовался нашими раввинами для одурманивания нас. Ныне под руководством Коммунистической партии и Советской власти мы поняли вред этого дурмана и просим удовлетворить нашу просьбу. Мы устроим культурный очаг для наших детей там, где до сего времени был беспросветный мрак» [51, с. 204].

Все расходы, связанные с эксплуатацией культовых сооружений, после декрета 23 января 1918 г. возлагались на религиозные организации. Например, в уставе еврейского религиозного общества солдатской синагоги Севастополя зафиксировано, что организация могла управлять «имуществом, полученным по договору от местных органов советской власти» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 980. Л. 8]. И до тех пор, пока у самой общины действовал договор с церковным столом, она была обязана следить за сохранностью всего доверенного ей имущества и заботиться о том, чтобы синагога была безопасна для посещения. С этой целью в синагоге предварительно провели инвентаризацию всего движимого и недвижимого имущества, а в документах зафиксировали, в каком состоянии это имущество было передано рели-

гиозной организации. Если же религиозная организация прекращала свою работу, то «все имущество, находящееся в пользовании общества, возвращается местному совету по инвентарной описи» [Там же].

В 1928 г. солдатская синагога в Севастополе всё же была снята с учёта – как следует из документов, это было сделано по просьбе членов самой религиозной организации [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 980. Л. 18]. С аналогичной формулировкой закрывались и другие молитвенные здания. Так, на заседании членов правления Главной еврейской синагоги в Севастополе в августе 1928 г. комиссия во главе с М. З. Лейкиным при секретаре И. Я. Полонским постановила: «...ликвидировать Главную еврейскую синагогу в связи с безжизненностью» [Там же. Л. 20]. При этом её ликвидация проходила в летнее время, и из 50 заявленных в протоколе членов организации на заседании комиссии присутствовало лишь 20 человек, которые в итоге и решили судьбу данного культового сооружения.

Что касается караимской кенасы Севастополя (построенной в 1896–1908 гг. по проекту архитектора А. М. Вейзена на ул. Большой Морской), то в описи её имущества в начале 1920-х гг. фигурировали такие предметы, как: свитки Торы в футлярах, покрытые бархатом и серебром, с таппухим² на ручках, а также молитвенники, Тегилим (Псалтырь), несколько Танахов. Кроме того, в богослужениях использовались меноры³, серебряные, бронзовые, металлические и хрустальные подсвечники и канделябры на одну и несколько свечей; серебряная Кетер Тора, духаны (аналои), парохеты (алтарные завесы), таллеты (облачение караимского священнослужителя), чичиты (нашивки на молитовный шарф газзана). В числе прочего имущества числились ковры, скамьи, кресла, ореховый стол [25, с. 26]. Севастопольская кенаса функционировала как богослужбное учреждение на основании договора аренды, заключённого 16 ноября 1922 г. (договор несколько раз продлевался) вплоть до начала 1930-х гг., когда она закрылась по решению КрымЦИКа (была снята с учёта 5 февраля 1930 г.) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 4]. При этом севастопольского газзана Т. С. Леви-Бабовича лишили избирательных прав и выслали из города [49, с. 205–213; 19, с. 184–192; 24, с. 18–23]. Во время Великой Отечественной войны крыша и торцовый фасад здания севастопольской кенасы были разрушены.

В Симферополе по состоянию на 8 февраля 1924 г. действовали еврейские синагоги: «Нер-Томид» («Неугасимая свеча», построена в 1894 г.), «Егия-Капай» («Труд рук моих», ул. Фонтанная, 17), «Эц-Хаим» («Дерево жизни», ул. Малобазарная, 46), «Бейт-Яков» («Дом Иакова», ул. Мечетная, 32) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 27 об., 28, 90 об., 91]. Молитвенный дом, существовавший при Еврейской больнице

² Таппухим (яблоки) – традиционные стилизованные декоративные серебряные навершия, венчавшие в караимской религиозной традиции эц хаим («дерево жизни» – стержни, на которые наматывался свиток Торы).

³ Менора – семиствольный светильник (семисвечник), который, согласно Библии, находился в Скинии Собрания во время скитания евреев по пустыне, а затем и в Иерусалимском храме, вплоть до разрушения Второго Храма.

(пер. Больничный), ликвидировали в соответствии с постановлением ликвидационной комиссии № 3 и приказом окрисполкома № 62 от 30 мая 1923 г. Договор на его аренду с членами симферопольской общины заключён не был. Аналогичное решение о ликвидации, датированное 20 апреля 1923 г., последовало и в отношении симферопольской синагоги «Бейт га-Мидраш» («Дом учения», ул. Салгирная, 8), а её здание было затем передано Коммунхозу [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1140. Л. 2].

Что касается крымчакских кьаалов, то исходя из архивных данных, в Симферополе в 1920-х гг. их существовало два – так называемые «крымчакские синагоги I и II приходов». Возведение зданий для них датируется 1865 г. и 1896 г. (единственное ныне сохранившееся здание кьаала в Симферополе находится на ул. Краснознаменная, 35). Договоры на их аренду заключались общиной, соответственно, 6 ноября 1922 г. (II приход, всего посещало 20–25 человек) и 8 ноября 1922 г. (I приход, 10–12 человек). Снятие с учёта этих культовых объектов произошло одновременно, 5 марта 1930 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 26]. В начале 1930-х гг. здание кьаала на ул. Краснознаменной, 35, было переоборудовано и передано в жилой фонд Симферополя.

Одной из архитектурных доминант центра города стала возведённая в 1881 г. на ул. Салгирной Хоральная синагога, с большим двусветным залом с балконом для женщин («вейбершул») [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1118. Л. 2, 3]. Хоральная синагога использовалась верующими в соответствии с договором аренды, заключённым 11 октября 1922 г. (он продлевался в 1924 г.). По приблизительным оценкам, здание синагоги могло вмещать до 800 человек. Она была снята с учёта в соответствии с постановлением президиума КрымЦИК от 21 августа 1929 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 27 об., 28].

Договор между еврейской организацией и местными органами власти на аренду синагоги «Нер-Томид» был подписан в декабре 1922 г. На момент регистрации договора в распоряжение верующих передали следующие предметы: свитки Торы в количестве 16 единиц, 300 «рубашек» (чехлов для свитков Торы) из шёлка или сукна, два алтарных занавеса (парохета) из сукна, «шкаф для свитков» (арон гакодеш, где хранились свитки Торы), «шкаф для чтения свитков» (бима – возвышение, на которое кладут свиток Торы для чтения) и прочее богослужбное имущество. Среди книг, хранившихся в синагоге, числились: 38 экземпляров «Талмуда», 20 «Пятикнижий», 20 «Книг комментариев» («Эц-Хаим» и «Шульхан-Арух»), а также 12 экземпляров «Мишнаес», «Хае-Одом» – 8, «Библия» – 7, «Слихос» – 7, «Махзор» – 8, «Кинос» – 5, «Мозней-Эрэц» – 2 и «Ховас-Альвоес» – 1 экземпляр. В общей сложности синагогу «Нер-Томид», как следовало из документов, могло посещать 342 человека [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 214. Л. 5; Д. 1300. Л. 28; 16, с. 60].

В описи предметов из синагоги «Нер-Томид» также числились 6 подсвечников фраже⁴, 2 канделябра фраже на 5 свечей, 2 малых и 2 больших медных подсвечника на 5 свечей, 2 медные свечные люстры, а также 4 медных электрических люстры

⁴ «Фраже» – популярное в Европе предприятие по выпуску недорогих посеребренных (плакированных) изделий (посуды, домашней утвари, подсвечников и кадил, а также столовых приборов).

[ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 214. Л. 2–5]. Относительно изделий из драгоценных металлов или же артефактов, представлявших определённую ценность и хранившихся в синагоге «Нер-Томид», то в 1922 г. было принято решение об их изъятии (как следует из документов, в рамках оказания помощи голодающим Поволжья). В протоколе указывалось: «1. Корона серебряная. 2. Указательный палец серебряный⁵. 3. Две серебряные вещи, поддерживающие корону. 4. Два нагрудника» [Там же. Л. 7]. Все перечисленные предметы ранее принадлежали покойному старосте синагоги Сендеру Бухштабу, и в марте 1922 г. их передали в финотдел.

12 октября 1922 г. симферопольская караимская община заключила с Админоргуправлением НКВД договор о бесплатном пользовании кенасой (её здание, выполненное в мавританском стиле, было построено на ул. Караимской в 1896 г.). Документ был подписан двадцатью уполномоченными общиной караимами [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 7-а. Л. 1, 7]. Но имевшиеся в кенасе ценности вскоре были реквизированы. Так, в 1922 г. изъятию подлежали 6 серебряных поясов со звёздочками со свитков Торы, 2 серебряных тапшухим и серебряная лампада с цепью [Там же. Л. 6]. В 1930-х гг. караимская община была ликвидирована как юридическая единица, а затем, 5 марта 1930 г., в связи с отказом двадцатки от содержания, закрыта и сама симферопольская кенаса (с формулировкой «ввиду требования трудящихся масс караимов и отказа верующих от пользования кенасой использовать её под клуб») [Там же. Л. 10, 12, 15, 16]. Снятие её с учёта датировано 5 марта 1930 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 4]. Для полного соответствия целям «культурного обслуживания трудящихся караимов» здание кенасы частично перестроили и лишили культового декора – на аттике разместили пятиконечную звезду, под которой до начала предпринятой в 2016 г. реставрации кенасы ещё проступали следы «Маген Давид» – «звезды Давида», знака единобожия [37, с. 253].

В Керчи до революции действовало 6 еврейских синагог и молитвенных домов, а также крымчакский кьаал. Старая, или Главная еврейская синагога располагалась по адресу: переулок Митридатский, 1. Её одноэтажное здание в классическом стиле построили в 1837 г. Старая еврейская синагога считалась небольшой, и, судя по протоколам ликвидационной комиссии, её здание могло вместить лишь 50 человек. Эта синагога была снята с учёта в августе 1931 г. Синагогу (или молитвенный дом) ремесленников, построенную в 1869 г. на ул. Николаевской (ныне ул. Циолковского), общине удалось перерегистрировать в 1931 г. (протокол № 81). Каменное, крытое черепицей здание Новой синагоги в Керчи вместимостью до 500 человек возвели в 1875 г. Рядом с ней находилось здание религиозной школы – хедера. В соответствии с выпиской из протокола заседания президиума ЦИК Крыма от 25 мая 1923 г., с общиной был заключён договор на пользование еврейской синагогой, а расторгнут – 22 августа 1928 г. (снятие с учёта произошло 12 октября 1928 г.). Так называемая «синагога нижних чинов» (Солдатская синагога, построена тоже в 1869 г.) решени-

⁵ К свитку Торы нельзя прикасаться голой рукой, поэтому при её чтении пользуются специальной указкой – эцба (палец) или яд (рука).

ем ликвидационной комиссии от 17 марта 1923 г. и приказом окрисполкома от 26 марта 1923 г. была закрыта (снята с учёта 17 апреля 1924 г.), а её здание – передано Наробразу. Тогда же, в марте 1923 г., ликвидировали и временный молитвенный дом крымчаков (двадцатка заключила договор об аренде здания 31 октября 1923 г., затем он несколько раз перезаключался, но в итоге всё же был расторгнут, а в феврале 1930 г. здание сняли с учёта). В соответствии со страховочной оценочной ведомостью, стоимость здания крымчаковского кьаала в 1929 г. составила 15 548 руб. В общей сложности молитвенные дома крымчаков Керчи в 1920-х гг. посещали около 100 человек [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1140. Л. 15 об., 19 об.; Д. 1300. Л. 25 об., 26, 27, 27 об., 28, 28 об., 29, 93 об., 94; Д. 1729. Л. 27, 39]. Сведения о существовании в Керчи молитвенного дома караимов относятся к середине XIX в.: по некоторым данным, он располагался в наёмном помещении и был открыт в соответствии с разрешением керченского градоначальника 1 августа 1850 г. [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 13. Л. 6]. Однако керченская караимская община была весьма небольшой по численности, и никаких сведений о наличии в городе караимской кенасы в 1920-х гг. нам пока обнаружить не удалось.

В Феодосии в 1926 г. проживало 3807 евреев (включая крымчаков) [52]. Самая древняя из еврейских синагог Феодосии (по некоторым сведениям, она была возведена в 1309 г.) называлась Старой, или Главной, и была рассчитана на 200 человек. Договор на её аренду был заключён двадцаткой общины в ноябре 1922 г., а затем был продлён в феврале 1924 г. и в феврале 1929 г.; страховочная стоимость здания в 1928 г. составила 13 353 руб. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 26 об., 27; Д. 1729. Л. 39]. Община прошла перерегистрацию синагоги в 1931 г., однако затем она всё же была закрыта. В синагоге после работы комиссии по изъятию ценностей были конфискованы 27 свитков Торы, различные изделия из серебра и золота: Кетер Тора – 1 фунт серебра, четыре скрижали – 4 фунта серебра, бокал – 1 фунт серебра, две указки – 2 фунта серебра [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 210. Л. 12]. Здание Старой еврейской синагоги было разрушено в годы Великой Отечественной войны.

Поскольку число членов феодосийской еврейской общины в начале XX в. увеличилось, то было решено начать строительство Новой, хоральной синагоги, двухэтажное здание которой с просторным двором располагалось недалеко от Сенного базара на ул. Лазаретной. Строительство закончилось в 1904 г. Рядом с синагогой возвели двухэтажное здание Талмуд-Торы – еврейского духовного училища для мальчиков. После закрытия в 1929 г. в здании синагоги располагался Феодосийский городской дом физкультурника, а во время немецко-фашистской оккупации Феодосии – конюшня. В 1952 г. здание передали под нужды Дома офицеров, а здание училища приспособили под среднюю школу [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 20. Л. 2–80].

В Феодосии власти закрыли уже упоминавшийся молитвенный дом М. С. Розенталя, который находился на ул. Католической (снят с учёта в апреле 1923 г.) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1140. Л. 19 об.; Д. 726. Л. 2; Д. 1300. Л. 78 об., 79]. А 19 сентября 1929 г. был расторгнут договор и с верующими-крымчаками об аренде кьаала

(как следует из документов, его посещали около 50 человек), а само здание – снято с учёта 5 ноября 1930 г. В Карасубазаре крымчакскую синагогу (местная религиозная община в количестве 20 человек заключила договор о её аренде 27 августа 1923 г.) сняли с учёта 5 января 1930 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 26]. Так называемая карасубазарская «польско-еврейская» синагога официально функционировала на основании договора, заключённого с общиной 25 апреля 1923 г., затем она прошла перерегистрацию, однако договор вновь заключён не был [Там же. Л. 28 об., 29]. Еникальская синагога (в 1920-х гг. располагалась в предместьи г. Керчь – Еникале), как следует из отчётной ведомости о ликвидированных храмах и монастырях по Крымской АССР за 1923–1924 гг., была разрушена (снята с учёта 5 апреля 1923 г.) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1140. Л. 15 об.; Д. 1300. Л. 80 об., 81].

Караимская кенаса Феодосии являлась одним из древнейших культовых зданий на территории Крымского полуострова: по разным оценкам, её возведение датируется 1292 г. (построена в Карантинной слободе). Из акта осмотра, составленного в марте 1921 г., известно, что кенаса представляла собой одноэтажное каменное здание с небольшим двором, где среди хозяйственных построек располагались одноэтажная каменная кладовая, беседка и «мертвецкая». В собственности общины также находилось несколько жилых и вспомогательных построек (в том числе, здания мужского и женского училищ, пять сараев и двенадцать торговых лавок, несколько квартир, подвалов, а также небольших помещений общей площадью более 900 кв. м [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 15. Л. 2, 13]. Арендный договор феодосийская караимская община подписала 19 февраля 1924 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1587. Л. 219 об., 220]. В 1930-х гг. в ходе антирелигиозной кампании, проводившейся советскими органами власти, были ликвидированы практически все кенасы на территории Крымского полуострова, за исключением феодосийской, так как члены двадцатки отказались проходить перерегистрацию [24, с. 21].

В перечне движимого имущества кенасы числились: предметы богослужения, одеяния священнослужителей и церковная утварь (13 свитков Торы с покрывалами для них, 56 масахов для покрытия духанов, 12 парохетов, 30 чичитов, 4 таллета, 37 подсвечников, 11 люстр, 9 лампад, 5 аналоев, 5 серебряных табличек с изречениями из Танаха), предметы внутреннего убранства (44 стеклянных розетки, 2 настенных часов, 29 ковров), мебель (один деревянный стол, два кресла, 12 скамей и 15 маленьких скамеек, 20 стульев), а также религиозные канонические тексты (90 экземпляров Пятикнижия, 79 – Псалтыря, 75 Танахов, 80 комплектов молитвенников) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 15. Л. 2, 15]. Кроме этого, в состав имущества кенасы входили различные серебряные и золотые ювелирные изделия, впоследствии реквизированные Комиссией по изъятию церковных ценностей (в их числе: восемь серебряных тапшухим, лампы, чаши, монеты, кольца, серьги, браслеты, броши, бляхи, три так называемых «кавказских» серебряных пояса, пожертвованные прихожанами) [Там же. Л. 7]. Караимскую кенасу Феодосии посещало в 1920-х гг. около 20–30 человек. Она была снята с учёта 5 февраля 1930 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 4].

В 1939 г. свитки Торы из феодосийской кенасы конфисковали вместе с остальным движимым имуществом. Общий вес изъятых таппухим составил 8 фунтов 92 золотника (более 4 кг) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 15. Л. 2, 7, 15]. Тем не менее, часть завершений представителям караимской общины, по-видимому, всё же удалось сохранить. В 1970 г., во время проведения строительных работ на территории частного домовладения, на месте которого ранее находилось здание кенасы, были обнаружены 22 серебряных таппухим, которые затем передали в Феодосийский краеведческий музей [27, с. 18; 35, с. 175].

В Евпатории крымчакская община использовала для отправления молитвенных обрядов кьаал, открытый в сентябре 1908 г. (для этих целей евпаторийские крымчаки арендовали домовладение Э. Шишман – ныне жилой дом по переулку Степовой, 8). 5 марта 1923 г. община подписала договор об аренде уже с советскими властями. Впоследствии, после расторжения договора аренды в марте 1930 г., в этом здании открылся крымчакский клуб и мастерские [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1140. Л. 15 об., 19 об.; Д. 1300. Л. 25 об., 26, 27]. В Евпатории также действовали две еврейские синагоги – так называемая Торговая синагога и синагога ремесленников «Егия-Капай», расположенные вдоль ул. Караимской. 12 декабря 1922 г. был заключён договор об аренде синагоги «Егия-Капай» с двадцаткой общины, однако уже 6 августа 1923 г. – расторгнут, несмотря на то, что эту синагогу посещало не менее 200 верующих. Торговая синагога была снята с регистрации 29 мая 1929 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 27 об., 28]. Большая (Соборная) караимская кенаса (прихожанами которой, как свидетельствовали документы, являлись представители 300 караимских семей Евпатории) была взята в аренду двадцаткой 18 июля 1924 г. В 1927 г. обе кенасы, Большая и Малая, были закрыты, а 5 сентября 1931 г. – сняты с учёта [Там же. Л. 80 об., 81]. В последующие годы в зданиях комплекса кенас располагались различные советские учреждения: антирелигиозный музей, курсы медсестёр, спортивные секции, детский сад, бюро технической инвентаризации, краеведческий музей.

Ялтинский молитвенный дом караимов, занимавший одну комнату в наёмном здании (площадью чуть более 56 кв. м), находился на ул. Коммунальной, 16 (ныне – ул. Игнатенко). Его передали местному управлению муниципального хозяйства в июле 1924 г., и в апреле 1925 г. караимской двадцаткой были заключены договора на аренду (позднее из членов двадцатки, подписавших договор, часть верующих выбыла по различным причинам). Здание было снято с учёта по решению КрымЦИКа в феврале 1931 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1587. Л. 198; Д. 1300. Л. 76 об., 77]. Ялтинскую еврейскую синагогу (на ул. Свердлова, 14) верующие смогли получить в аренду 16 октября 1922 г.; её каменное здание было застраховано на 19 180 руб. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1729. Л. 46 об., 47]. Каменное здание еврейского молитвенного дома в Алуште (ул. Иудейская), построенное в августе 1913 г., община взяла в аренду 7 декабря 1922 г. Максимальная вместимость здания (застрахованного в апреле 1924 г. на 23 668 руб.) составляла 100–250 человек (хотя обычная её посещаемость, судя по составленному комиссией отчёту, не превышала 25 человек) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп.

10. Д. 1587. Л. 198; Д. 1729. Л. 47 об., 48]. В Армянском Базаре караимская кенаса существовала, по некоторым сведениям, с 1817 г.; договор об аренде здания двадцатка заключила 4 апреля 1921 г. Но уже спустя три года договор расторгли, а кенасу сняли с учёта постановлением КрымЦИКа от 14 августа 1924 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 82 об., 83, 84].

Что касается бахчисарайской караимской кенасы, то местная двадцатка заключила арендный договор 20 декабря 1923 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 110 об., 111]. Движимое её имущество было изъято и вывезено на склады административного управления; изделия из драгметаллов переданы народному комиссариату финансов, а остальное имущество поступило в фонды музеев Крыма [11, с. 378]. Многие предметы религиозного культа, утварь, книги, мебель из караимских кенас Чуфут-Кале, Симферополя, Ялты, Бахчисарая и Евпатории направили в коллекцию Бахчисарайского музея, о чём были сделаны соответствующие записи в инвентарных книгах середины 1920-х гг. [38, с. 94]. Из акта осмотра здания Бахчисарайской кенасы, произведённого специально созданной в январе 1930 г. комиссией с целью определения ущерба, нанесённого в результате крымского землетрясения 1927 г., известно, что здание было сильно повреждено: в нескольких местах кенасы были видны глубокие сквозные трещины во всю высоту стен; особенно они были заметны на западной стене здания, посередине оконных проёмов. Были также повреждены каменные перемычки под окнами, черепичная кровля; некоторые камни просели. Воспользовавшись тем обстоятельством, что здание признали аварийным, а караимская религиозная община Бахчисарая была не в состоянии произвести необходимый ремонт, договор об аренде был расторгнут, и здание кенасы передали новым владельцам. Лишившись помещения, сама община официально была упразднена, а со временем прекратила своё существование [11, с. 391, 395, 396]. Что касается здания еврейской синагоги Бахчисарая (договор об аренде заключён двадцаткой 19 марта 1923 г.), то её сняли с регистрации 25 октября 1929 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 110 об., 111].

Помимо вышеперечисленных объектов религиозного культа, в Крыму в середине 1920-х гг. функционировали синагоги и молитвенные дома евреев и крымчаков в Джанкое, в д. Бозор (Тав-Бузар), д. Курман-Кемельчи, д. Нейлибенталь, д. Фрайфельд, д. Фрайдорф Джанкойского района, а также в других населённых пунктах. Такое число культовых сооружений евреев в этой части Крымского полуострова объясняется осуществлявшейся в 1920–1930-х гг. аграризацией и еврейской колонизацией северного и северо-восточного Крыма – наименее благоприятного для сельского хозяйства района полуострова [31, с. 92–152]. В конце 1920-х гг. большинство этих синагог и молитвенных домов были сняты с регистрации и закрыты [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 27 об., 28, 84 об., 85, 111 об., 112, 112 об., 113].

К концу 1928 г. в Крыму закрылись или не функционировали 8 синагог, 4 костёла и 40 мечетей [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 807. Л. 17]. К 1929 г. Советское правительство развернуло широкомасштабную борьбу с религией, а к январю 1930 г.

было закрыто 250 молитвенных домов, что составляло 27% всех молитвенных домов, существовавших в Крыму до революции [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1041. Л. 4]. По сведениям, собранным церковными столами и ЦАУ Крымской АССР, по состоянию на 15 сентября 1930 г. на территории Крымского полуострова состояло на учёте 1100 культовых зданий; число функционирующих – 764; было закрыто или разрушено – 336 (из них в 1929 г. – 69, а в 1930 г. – 46). При этом на учёте всего состояло 42 еврейских и крымчакских культовых объекта: из них к 15 сентября 1930 г. функционировали – 14, а закрыты – 28 (из них в 1929 г. – 10, а в 1930 г. – 6). По состоянию на 24 марта 1930 г. в 5 из 15 закрытых синагогах и молитвенных домах размещались национальные и спортивные клубы, а также «красные уголки»; в качестве лечебницы использовалось 1 здание; 8 было отдано под жильё (под прочие нужды – 1 здание). Было снесено два здания, а 7 – не использовалось. Что касается объектов караимского культа, то осенью 1930 г. из 7 действовавших в Крыму караимских кенас функционировало лишь 5, а 2 были закрыты (1 – в 1930 г.). В Симферопольском районе из двух кенас по своему прямому назначению использовалась лишь одна (в Симферополе здание кенасы отдали под караимский национальный клуб); в Севастопольском, Ялтинском, Феодосийском, Джанкойском районах и Евпатории – по 1 (севастопольская кенаса была отдана под нужды детского сада) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1662. Л. 28, 29, 33, 36, 40].

В начале 1930 г. общая ситуация в Крыму характеризовалась как неблагоприятная для всех конфессий. Власти инициировали обращение самих членов религиозных общин об их якобы добровольном отказе от ранее взятых в аренду культовых зданий. Так, в Симферополе 17 февраля 1930 г. трудящиеся фабрики им. Ильича обратились к властям с просьбой закрыть синагогу «Нер-Томид» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 214. Л. 17, 18]. С представителями общины проводились беседы для того, чтобы они аннулировали свои обязательства по аренде культового имущества. В марте 1930 г. большинство членов общины отказались от прав на использование в религиозных целях этой синагоги. Президиум Симферопольского горсовета постановил: «Ввиду отказа группы верующих от пользования синагогой и учитывая требования трудящихся о закрытии, возбудить ходатайство перед КрымЦИКом о ликвидации синагоги “Нер-Томид”» [Там же. Л. 22]. Решение по данному вопросу было принято уже 5 ноября 1930 г. Власти распорядились закрыть культовый объект «ввиду требования трудящихся ликвидировать синагогу и использовать её под столовую Симферопольского ЦРК» [Там же]. Таким образом, синагога «Нер-Томид», построенная в Симферополе в 1894 г., на долгие годы перестала использоваться по своему прямому назначению.

Со сложностями иного характера столкнулась двадцатка синагоги «Бейт-Яков» в Симферополе, закрытой ещё в 1922 г. 6 сентября 1923 г. в КрымЦИК поступило заявление от группы верующих с просьбой: «...передать нам в бесплатное пользование для удовлетворения наших религиозных обязанностей синагогу Бет-Яков <...> с богослужебными предметами, имеющимися в ней» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 986.

Л. 1]. В акте, составленном 4 сентября 1923 г., сообщалось: «Мы, нижеподписавшиеся, Заведующий церковным столом Окрисполкома тов. Григоров в присутствии Габы Любич Исаака Самойловича, кантора Шевтеля Яршевеля Каца составили настоящий акт на приём и вскрытие синагоги Бет-Яков, каковая была опечатана в 1922 году, всё оказавшееся в синагоге имущество не было переписано и не составлено описи» [Там же. Л. 8]. В описи недвижимого имущества значилось, что молитвенный дом находится по улице Мечетной, 32, постройка каменная, крыша крытая, черепичная, других построек и дополнительной земли при синагоге нет [Там же. Л. 10]. Нарушило отработанный процесс по передаче верующим богослужебного имущества заявление некоего гражданина Иоселя Абелевича Шура, отправленное им в Симферопольский райисполком [Там же. Л. 18]. В этом обращении заявитель сообщал, что «ещё до прихода Советской власти я сдавал часть своего дома по Мечетной улице, 32, в аренду еврейскому обществу под молитвенный дом. С приходом Советской власти мой дом первоначально муниципализировали, а молитвенный дом по распространению властей закрыли» [Там же]. После того, как дом был освобождён от муниципализации, его вернули владельцу, но синагогу при этом не открыли. Обращение группы верующих по открытию синагоги вызвало возмущение хозяина дома, поскольку двадцатка не обращалась к нему за разрешением. В связи с этим И. А. Шур просил «о расторжении договора с еврейским обществом на аренду, находящегося в моём доме молитвенного дома» [Там же. Л. 19].

Городской райисполком решил выяснить, кому всё же принадлежала часть дома, на которую претендовала еврейская община. Обе стороны должны были предоставить доказательства, подтверждающие право на владение домом. Если это здание ранее принадлежало религиозной организации, то «дом должен считаться народным достоянием и подлежит оставлению в пользовании группы верующих, коей он передан». Однако если будет доказано, что община домом не владела, а лишь арендовала его, то «договор подлежит расторжению как основанный на заблуждении» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 986. Л. 20]. В итоге разбирательств Управление коммунального хозяйства удостоверило, что недвижимое имущество, находящееся в Симферополе по адресу ул. Мечетная, 32, по налоговым книгам Симферопольской Городской Управы за 1913 г. значилось принадлежавшим И. А. Шуру. Подтверждающие документы были выданы владельцу 8 мая 1922 г. [Там же. Л. 27].

В свою очередь, еврейская община не смогла предоставить документального подтверждения своих прав, и лишь утверждала, «что помещение под синагогу принадлежало 13 лет тому назад обществу верующих и по ныне. Т. е. Синагога была специально построена на общественные средства». Обращая внимание властей на имущественное положение И. А. Шура, верующие в заявлении указывали: «Шур, домовладелец имеет кроме этого дома ещё другие дома» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 986. Л. 29]. Однако данное заявление оставили без последствий. Об этом свидетельствует выписка из протокола «Заседания комиссии по ликвидации подворий, домовых церквей и проч. при Симферопольском Гор. Райисполкоме» от 8 февраля

ля 1924 г. Комиссия постановила: «...договор в части помещения занимаемого синагогой “Бет-Яков” и принадлежащего, как видно из документов, частному лицу считать подлежащим расторжению, а в части имущества синагоги считать в силе». Двдцатка должна была покинуть здание, но, тем не менее, всё богослужбное движимое имущество оставалось в религиозной общине [Там же. Л. 30].

В 1920-х гг. группа верующих еврейской общины Симферополя обратилась к местным органам власти за разрешением пользоваться синагогой «Эц-Хаим» (каменное здание на ул. Малобазарной около 7 метров в высоту, 15 м в длину, 21,5 м в ширину), как говорилось в прошении, для «удовлетворения наших религиозных потребностей». В счёт гербового сбора с общины было взыскано 206 рублей [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 213. Л. 1–3]. Список движимого имущества состоял из традиционных предметов и артефактов для отправления религиозных обрядов. Капиталов или же ценных предметов синагога не имела. До 1929 г. синагога функционировала как объект религиозного культа. Конец 1920-х гг. ознаменовался появлением на предприятиях и в организациях лиц, открыто выступающих за закрытие молитвенных домов всех конфессий. Здание синагоги «Эц-Хаим» привлекло внимание кустарей: «...они потребовали передать Божий храм под физкультурный зал. Артель «Крымтрикотаж» поддержал кустарей» [Там же. Л. 16–20]. Такой всесторонний натиск буквально заставлял верующих отказаться от здания синагоги. Кроме этого, проводились и профилактические «беседы» с самими верующими, поскольку здание могли взять в аренду не менее 20 человек, поэтому выход людей из общины лишал организацию её участников. Если двадцатка не досчитывалась своих членов (которых фактически заставляли отказываться от участия в религиозной организации), здание синагоги у группы верующих изымалось. Так произошло и в случае с синагогой «Эц-Хаим». 20 марта 1930 г. президиум Симферопольского горсовета постановил: «Ввиду отказа группы верующих от пользования синагогой и учитывая требования трудящихся о закрытии, возбудить ходатайство перед КрымЦИКом о ликвидации синагоги». Само здание синагоги должно было быть передано Отделу Народного образования для использования под нужды школы [Там же. Л. 21].

Советские органы власти пытались оправдать закрытие двух синагог, «Эц-Хаим» и «Нер-Томид», сложной экономической ситуацией на полуострове и нехваткой зданий для магазинов, молочных ферм, птичников, свинарников, а также под иные цели [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 213. Л. 25]. Поскольку строительство новых зданий требовало значительных средств, то было принято решение под эти цели освободить другие, уже построенные здания не торгового характера. По мнению представителей местных органов власти, обе синагоги находились в районе, где не было ни одного магазина. И принимая во внимание, что группа верующих сама отказалась от пользования синагогами (а фактически они пошли на этот шаг под принуждением), было принято решение: «...настоятельно просим Президиум Горсовета передать в распоряжение ЦРК это помещение с тем, что в нём в кратчайший срок будет оборудован специальный показательный магазин» [Там же]. Синагога «Нер-Томид» должна была быть передана

для нужд открываемого крымско-татарского клуба, и в здании синагоги планировали разместить общественную столовую. В свою очередь, заявку на использование здания синагоги «Эц-Хаим» в своих целях подал «Крымкредпромсоюз», изъявивший желание разместить в здании синагоги спортивный зал [Там же. Л. 26]. Такая политика местных органов власти, оставивших еврейское население города без их культовых сооружений, не могла не вызвать возмущение групп верующих. Ими в КрымЦИК было направлено письмо, в котором указывалось, по каким причинам группы верующих отказывались от дальнейшего участия в религиозных организациях: «...добровольность представителей двадцаток диктовалась теми репрессиями, которые грезилась им в будущем» [Там же. Л. 28]. Они просили КрымЦИК об открытии хотя бы одной синагоги, «Эц-Хаим» или же «Нер-Томид», и уверяли, что необходимая двадцатка для взятия богослужебного имущества соберётся. Однако ответ на запрос верующих постоянно затягивался, решение по данному вопросу откладывалось. Прихожане высказывали недовольство, поскольку в преддверии пасхальных праздников лишь одна действующая синагога не могла вместить в себя всех верующих. Религиозные организации требовали от властей «прекратить практику закрытия храмов в административном порядке, фиктивно прикрываясь добровольными желаниями населения» [Там же. Л. 32]. Тем не менее, все старания верующих оказались напрасными, и по решению местных органов власти здание синагоги «Нер-Томид» всё же передали под общественную столовую, а помещение синагоги «Эц-Хаим» – под школу ГорОНО [Там же. Л. 25].

Хоральная синагога Симферополя продолжала свою работу и после установления в Крыму советской власти. Однако сложность существования любого культового сооружения заключалась не только и не столько в сохранности имущества и соблюдении технической безопасности объекта. Для нормального функционирования синагоги требовалось, чтобы участников религиозной общины всегда было не менее 20-ти человек. 20 мая 1929 г. в ЦАУ НКВД Крыма поступило письмо, в котором сообщалось, что община Хоральной синагоги больше не насчитывает 20 человек, и если группа верующих вновь не восстановится в полном составе, то синагогу передадут кустарям. Подобная ситуация была не исключением, а скорее закономерностью того времени. Уже в августе того же года Горсовет, опираясь на мнение трудящихся, внёс предложение: «...передать помещение синагоги под клуб кустарей» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1610. Л. 1]. Желание перепрофилировать здание синагоги было отмечено даже в местной прессе. «Мы категорически требуем от горсовета выполнения постановлений и наказов еврейского трудящегося населения по этому поводу, – заявили кустари. – Даёшь синагогу под клуб!» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1610. Л. 3]. Синагогу на время рассмотрения вопроса о её дальнейшей судьбе решено было опечатать. Верующим же было объявлено, что они, при наличии полного состава двадцатки, тоже смогут пользоваться культовым имуществом. Однако рассмотрение дела затянулось до зимы, и кустари не желали больше ждать. Члены артели «Солидарность Крыма» обратились в Райисполком с требованием «немедленно обратиться к соответствующим высшим органам с ходатайством о пе-

редаче помещения Хоральной синагоги под дом культурного обслуживания кустарей» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1610. Л. 8]. 19 декабря 1928 г. по данному вопросу высказались и члены артели «Американский швейник», которые тоже потребовали передать здание синагоги под клуб кустарей, поскольку имеющееся в их распоряжении здание не удовлетворяло потребности трудовых коллективов [Там же. Л. 9]. В дальнейшем с аналогичными требованиями о передаче культовых зданий выступили и другие артели города Симферополя.

И хотя деятельность многих культовых сооружений иудейских общин Крыма в 1920-х гг. продолжалась, их функционирование было существенно ограничено различными постановлениями органов советской власти и вновь утверждёнными правилами. Вместе с тем, церковные столы не стремились обострять отношения с нехристианскими группами верующих, к которым были отнесены еврейские, караимские и крымчакские общины. Это даже привело к всплеску антисемитизма среди православного населения. Например, на одном из заводов в Феодосии рабочие так оценивали религиозную политику местных органов власти: «...почему коммунисты не смеются над жидовскими раввинами и татарскими муллами, а все посмеиваются над русскими?» [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1041. Л. 1]. Причём в соответствии с данными статистики райисполкомов, в Крыму среди всех религиозных организаций только 4% составляли евреи [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 807. Л. 2].

Идеологическое воздействие со стороны властных структур сказалось не только на функционировании, но и на самом существовании объектов культовой архитектуры всех конфессий. Проводившаяся советскими партийными и государственными органами политика, в идеологических установках которой религия была признана не только не нужной, но даже опасной для построения нового советского общества, подразумевала борьбу с любым проявлением религиозности. Противодействие официальных органов власти, с которым столкнулись религиозные общины в вопросах использования объектов культового назначения, в итоге привело сначала к существенному ограничению возможностей их функционирования, а затем – к закрытию и ликвидации религиозных объединений граждан. Следует отметить, что ограничение профессиональной активности осуществлялось в зависимости от многих факторов: религиозности той или иной группы верующих, уровня социально-экономического развития, отношения советской власти к той или иной конфессии. Власть наглядно демонстрировала, что духовные ценности являлись ложными в вопросе формирования новой социалистической доктрины, и не имеют никакого значения для молодого Советского государства и его граждан. Многие объекты культовой архитектуры иудейских общин исчезли с карты Крыма, а большинство из сохранившихся использовались не по назначению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедова Г.Р. Проблема функционирования иудейских, католических и мусульманских культовых сооружений в первые годы установления Советской власти в Крыму в нормативных документах советских органов // Причерноморье. История, политика, культура: избранные материалы XIII Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения» / ред. С.Ю. Сапрыкин. М.: Изд-во МГУ, 2016. Вып. XVIII (VIII). Серия Б-В. С. 27–31.
2. Белоглазов Р.Н. Идеологическое воздействие органов государственной власти на религиозные конфессии Крыма в 1920-е годы // Крымский архив. 2000. № 6. С. 258–264.
3. Белоглазов Р.Н. Изъятие церковных ценностей в Крыму в 1922 г. // Арсений Иванович Маркевич. Первые Таврические международные научные чтения. Симферополь: Телекс, 2000. С. 31–34.
4. Белоглазов Р.Н. Административно-правовое регулирование деятельности религиозных организаций в Крымской АССР в середине 1920-х гг. // Проблемы науки. 2015. № 1. С. 46–50.
5. Белоглазов Р.Н. Восстановление правового статуса религиозного управления (муфтиата) мусульман в Крымской АССР в начале 1920-х гг. // Проблемы науки. 2015. № 1. С. 51–57.
6. Белоглазов Р.Н. Административно-правовое регулирование деятельности сектантских общин в середине 1920-х годов (по материалам Крымской АССР) // Достижения науки и образования. 2016. № 6. С. 32–37.
7. Белоглазов Р.Н. Реализация законодательства о религиозных организациях в Крымской АССР в начале 1920-х годов // Отечественная юриспруденция. 2016. № 5. С. 5–9.
8. Белоглазов Р.Н. Отношение органов власти Крымской АССР к мусульманскому населению в период новой экономической политики (1923–1927 гг.) // Историческое наследие Крыма: сборник статей. Симферополь, 2017. С. 226–230.
9. Белоглазов Р.Н., Осиповский С.Н. Административное и идеологическое воздействие органов власти на религиозные общины Севастополя (середина 1920-х – 1930-е гг.) // Манускрипт. 2020. Т. 13, Вып. 4. С. 16–23.
10. Белоглазов Р.М. Політика радянської влади щодо релігійних конфесій у 1920-і роки (за матеріалами Кримської АСРР): дис. ... канд. іст. наук. Симферополь, 2001. 234 с.
11. Белый О.Б. Документы из истории караимской общины г. Бахчисарая начала XX в. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 376–397.
12. Белый О.Б. К вопросу о взаимоотношениях советского государства и караимской конфессии в 1920–1930-х гг. (по материалам ГААРК) // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы: материалы и исследования. Симферополь: КЭМ, 2002. С. 272–278.
13. Бойцова Е.Е. Деятельность мусульманских общин Севастопольского района в 1920-х годах // Культура народов Причерноморья. 2004. № 48. С. 42–49.
14. Бойцова Е.Е. Ідейне протистояння органів радянської влади і мусульманських громад Севастопольського району в 20-х роках XX ст. // Вісник Національного університету Львівська політехніка. 2004. № 498. С. 109–114.
15. Бойцова Е.Е., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З. Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь: Элиньо, 2009. 432 с.
16. Гуркович В.Н. Синагога «Нер-Томид» в Симферополе // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь; Иерусалим, 1997. С. 55–66.
17. Гусева Ю.Н. Мусульмане Крыма и советская власть: взгляд из Москвы 1920-х гг. // Ислам в современном мире. 2016. № 12 (1). С. 137–144.
18. Давыдова Н.А. Отношение советской власти к служителям культа в Севастополе в 1920–1930 годы // В поисках утраченного единства / ред.-сост. Е.А. Попова. Симферополь: Крымский Архив, 2005. С. 184–192.
19. Давыдова Н.А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы // Севастополь: взгляд в прошлое: сб. науч. статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: Максим, 2006. С. 238–246.

20. Дедкова Г.Р. Особенности функционирования мечетей в Крыму в 20-х гг. XX в. // Причерноморье. История, политика, культура: избранные материалы XIV международной научной конференции «Лазаревские чтения» / ред. С.Б. Филимонов. М.: Изд-во МГУ, 2013. Вып. XX (IX). Сер. Б. 2017. С. 36–39.
21. Доненко Н.Н., протоиерей. Претерпевшие до конца: священники Крымской епархии 30-х годов. Симферополь: Таврида, 1997. 62 с.
22. Дубинчук С.А. Гонения на православную церковь в Крыму (1920–30 гг.): постановка проблемы и перспективы исследования // Таврические духовные чтения: материалы международной науч.-практ. конференции, посвященной 140-летию открытия Таврической духовной семинарии (г. Симферополь, 12–13 февраля 2013 г.). Симферополь, 2013. С. 195–199.
23. Ельашевич В.А. Краткая история караимского молитвенного дома (кенасы) Севастополя // Известия Духовного Управления караимов Республики Крым. Евпатория, 2016. № 20(29). С. 19–21.
24. Ельашевич В.А. Краткая история караимского молитвенного дома (кенасы) Севастополя (окончание) // Известия Духовного Управления караимов Республики Крым. Евпатория, 2016. № 21(30). С. 18–23.
25. Ельашевич В.А. Из ответа газзана Исаака Султанского на предписание Таврического и Одесского караимского гахама. Имущество Севастопольской караимской общины и утварь кенасы // Известия Духовного Управления караимов Республики Крым. Евпатория, 2016. № 21(30). С. 23–27.
26. Ельашевич В.А. История караимского молитвенного дома (кенасы) Карасубазара // Известия Духовного Управления караимов Республики Крым. Евпатория, 2017. № 22(31). С. 19–25.
27. Ельашевич В.А. Коллекция свитков Торы в караимской кенасе Феодосии // Известия Духовного Управления караимов Республики Крым. Евпатория. 2018. № 27, апрель. С. 13–18.
28. Змерзлий Б.В. Політика радянської держави щодо Російської Православної Церкви у Криму в 1921–1929 роках: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2001. 18 с.
29. Змерзлий Б.В. Политические документы РКП (б) (ВКП (б)), ставшие идеологической основой законодательной базы в деле регулирования деятельности религиозных общин в СССР (1920-1930-е гг.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Юридические науки». 2009. Т. 22(61). № 2. С. 23–30.
30. Кирющко М.І., Бойцова О.С. Ислам в Криму: релігійно-національна самоідентифікація кримськотатарського народу. Київ: Світогляд, 2005. 300 с.
31. Кондратюк Г.М. Національна політика в Кримській АРСР у 20–30 роках ХХ століття. Вінниця: Нілан, 2014. 251 с.
32. Катунин Ю.А. Политика государственных органов власти Крыма в отношении церкви в 1927–1928 гг. // Культура народов Причерноморья. 1999. № 7. С. 218–222.
33. Катунин Ю.А. Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. Симферополь: Ната, 2001. 416 с.
34. Катунин Ю.А. Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917–1939 гг. (на материалах Крыма): дисс. ... докт. ист. наук. Симферополь, 2003. 508 с.
35. Кизилев М.Б. Караимские таппухим: уникальная коллекция наверхий на свитки Торы из фондов феодосийского музея древностей // Караимы Феодосии: история – религия – культура. Симферополь: Таврида, 2018. С. 173–180.
36. Павленкова Н.В. «Двадцатки» караимов Евпатории. Архивные свидетельства 1920–30-х годов // Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины. Евпатория, 2012, ноябрь. № 5(14) С. 7–9.
37. Прохоров Д.А. Историко-архитектурные объекты и особенности застройки городов Крымского полуострова в контексте истории караимов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2015. Вып. 7. С. 237–278.
38. Прохоров Д.А. Музейные коллекции по истории и культуре крымских караимов. Симферополь: Бизнес-информ, 2016. 320 с.
39. Рибак І.В. Особливості радянської релігійної політики в Криму у другій половині 20-х років // Культура народов Причерноморья. 2002. № 36. С. 106–109.

40. Рибак І.В. Політика радянської влади щодо Російської православної церкви в Криму (1917–1941 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Черкаси, 2008. 20 с.
41. РСФСР. Законы и постановления. Свод законов РСФСР. М.: Сов. Россия, 1984. Т. 1. 904 с.
42. Ревкомы Крыма: Сборник документов и материалов / ред. Л.Д. Солодовник. Симферополь: Крым, 1968. 243 с.
43. Скреля К.Ю., Прохоров Д.А. К вопросу о правовом регулировании актов гражданского состояния // Научный вестник Крыма. 2018. № 4 (18). [Электронный ресурс]. URL: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/297/pdf> (дата обращения: 05.05.2020)
44. Смирнов Н. Классовая база ислама в Крыму // Воинствующий атеист. 1931. № 8–9. С. 31–49.
45. Советский Союз. Евреи в Советском Союзе в 1922–41 гг. // Электронная еврейская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eleven.co.il/article/15416#07> (дата обращения: 12.07.2020).
46. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218. С. 1–20.
47. Теперь за работу // Маяк коммуны. 1925. № 41. 6 мая.
48. Терещук Н.М. История караимской общины Севастополя в условиях поликультурного общества (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.) по данным Государственного архива г. Севастополя // Материалы XVI ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике / ред. В. Мочалова. М., 2009. С. 287–298.
49. Терещук Н.М. К вопросу о лишении избирательных прав севастопольских караимов (на материалах Государственного архива г. Севастополя) // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2011. Т. II. С. 205–213. (Академическая серия, Вып. 35).
50. Терещук Н.М. Взаимоотношение религиозных общин нехристианских конфессий с органами Советской власти в 20-е годы // В поисках утраченного единства: сб. статей. Симферополь, 2005. С. 217–226.
51. Терещук Н.М. Отношения органов советской власти с еврейскими религиозными организациями г. Севастополя в 1920-е – начале 1930-х гг. // Память о прошлом: Сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: ЧП Арэфьев, 2007. С. 200–205.
52. Феодосия // Еврейская электронная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/communities/14263/> (дата обращения: 12.07.2020).
53. Фесенко А.А. Лишение избирательных прав крымских татар в 20–30-е гг. XX столетия в Севастополе // Севастополь: взгляд в прошлое: сб. научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: Максим, 2006. С. 257–262.
54. Фесенко А.А. Мулла Юсуф Рахимов в контексте деятельности севастопольской мечети (1914–1938 гг.) // VIII Таврические научные чтения: сб. материалов: в 2-х ч. / ред. Е.Б. Вишневская, И.Ф. Стельмах, А.В. Зубарев. Симферополь: Центральный музей Тавриды, 2007. Ч. 2. С. 146–156.
55. Фесенко А.А. Политика органов государственной власти в отношении мусульманских общин г. Севастополя в 20–30-е годы XX столетия // Севастополь: взгляд в прошлое: сб. науч. статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: Максим, 2006. С. 235–237.
56. Филимонов С.Б. По следам православных святынь и реликвий, утраченных в послереволюционном Крыму // II Таврические научные чтения, посвященные 80-летию Центрального музея Тавриды (г. Симферополь, 25 мая 2001 г.): сб. материалов / ред. Е.Б. Вишневская. Симферополь, 2002. С. 60–63.
57. Хайрулдинова Э.М. Особенности взаимоотношений Советской власти и мусульман в Крымской АССР (начало 20-х – конец 30-х гг. XX века) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2011. Т. 24(63). № 2. С. 134–139.

REFERENCES

1. Ahmedova G.R. Problema funkcionirovanija iudejskih, katolicheskikh i musul'manskih kul'tovyh sooruzhenij v pervye gody ustanovlenija Sovetskoj vlasti v Krymu v normativnyh dokumentah sovetskikh organov. Saprykin S.Ju. (Ed.), *Prichernomor'e. Istorija, politika, kul'tura: izbrannye materialy XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Lazarevskie chtenija»*, Moscow, MGU M.V. Lomonosov's Publ., 2016, Vol. XVIII (VIII), Serija B-V, pp. 27–31.
2. Beloglazov R.N. Ideologicheskoe vozdejstvie organov gosudarstvennoj vlasti na religioznye konfessii Kryma v 1920-e gody. *Krymskij arhiv*, 2000, No. 6, pp. 258–264.
3. Beloglazov R.N. Iz'jatije cerkovnyh cennostej v Krymu v 1922 g. *Arsenij Ivanovich Markevich. Pervye Tavricheskie mezhdunarodnye nauchnye chtenija*, Simferopol, 2000, pp. 31–34.
4. Beloglazov R.N. Administrativno-pravovoe regulirovanie dejatel'nosti religioznyh organizacij v Krymskoj ASSR v seredine 1920-h gg. *Problemy nauki*, 2015, No. 1, pp. 46–50.
5. Beloglazov R.N. Vosstanovlenie pravovogo statusa religioznogo upravlenija (muftiata) musul'man v Krymskoj ASSR v nachale 1920-h gg. *Problemy nauki*, 2015, No. 1, pp. 51–57.
6. Beloglazov R.N. Administrativno-pravovoe regulirovanie dejatel'nosti sektantskikh obshhin v seredine 1920-h godov (po materialam Krymskoj ASSR). *Dostizhenija nauki i obrazovanija*, 2016, No. 6, pp. 32–37.
7. Beloglazov R.N. Realizacija zakonodatel'stva o religioznyh organizacijah v Krymskoj ASSR v nachale 1920-h godov. *Otechestvennaja jurisprudencija*, 2016, No. 5, pp. 5–9.
8. Beloglazov R.N. Otnoshenie organov vlasti Krymskoj ASSR k musul'manskomu naseleniju v period novoj jekonomicheskoi politiki (1923–1927 gg.). *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2017, pp. 226–230.
9. Beloglazov R.N. Osipovskij S.N. Administrativnoe i ideologicheskoe vozdejstvie organov vlasti na religioznye obshhiny Sevastopolja (seredina 1920-h – 1930-e gg.). *Manuskript*, 2020, T. 13, Vol. 4, pp. 16–23.
10. Beloglazov R.M. *Politika radjans'koj vladi shhodo religijnih konfesij u 1920-i roki (za materialami Krims'koj ASSR)*. Text of kandidat. diss. Simferopol, 2001, 234 p.
11. Belyj O.B. Dokumenty iz istorii karaimskoj obshhiny g. Bahchisaraja nachala XX v. *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik*, Simferopol, 2001, Vol. 2, pp. 376–397.
12. Belyj O.B. K voprosu o vzaimootnoshenijah sovetskogo gosudarstva i karaimskoj konfessii v 1920–1930-h gg. (po materialam GAARK). *Jetnografija Kryma XIX–XX vv. i sovremennye jetnokul'turnye processy: materialy i issledovanija*, Simferopol, KEM Publ., 2002, pp. 272–278.
13. Bojcova E.E. Dejatel'nost' musul'manskih obshhin Sevastopol'skogo rajona v 1920-h godah. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*, 2004, No. 48, pp. 42–49.
14. Bojcova E.E. Idejne protistojannja organiv radjans'koj vladi i musul'mans'kih gromad Sevastopol'skogo rajonu v 20-h rokah XX st. *Visnik Nacional'nogo universitetu L'vivs'ka politehnika*, 2004, No. 498, pp. 109–114.
15. Bojcova E.E., Gankevich V.Ju., Muratova Je.S., Hajreddinova Z.Z. *Islam v Krymu: ocherki istorii funkcionirovanija musul'manskih institutov*. Simferopol, Jelin'o Publ., 2009, 432 p.
16. Gurkovich V.N. Sinagoga «Ner-Tomid» v Simferopole. *Evrei Kryma. Ocherki istorii*. Simferopol, Jerusalem, 1997, pp. 55–66.
17. Guseva Ju.N. Musul'mane Kryma i sovetskaja vlast': vzgljad iz Moskvy 1920-h gg. *Islam v sovremennom mire*, 2016, No. 12(1), pp. 137–144.
18. Davydova N.A. Otnoshenie sovetskoj vlasti k sluzhiteljam kul'ta v Sevastopole v 1920–1930 gody. Popov E.A. (Ed.), *V poiskah utrachenogo edinstva*, Simferopol, Krymskij Arhiv Publ., 2005, pp. 184–192.
19. Davydova N.A. Otnoshenie organov Sovetskoj vlasti k sluzhiteljam religioznyh kul'tov v Sevastopole v 1920–1930 gody. Krest'jannikov V.V. (Ed.), *Sevastopol': vzgljad v proshloe: sb. nauch. statej sotrudnikov Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja*, Sevastopol, Maksim Publ., 2006, pp. 238–246.
20. Dedkova G.R. Osobennosti funkcionirovanija mechetej v Krymu v 20-h gg. XX v. Filimonov S.B. (Ed.), *Prichernomor'e. Istorija, politika, kul'tura: izbrannye materialy XIV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Lazarevskie chtenija»*, Moscow, MGU M.V. Lomonosov's Publ., 2013., Vol. XX (IX), Ser. B, 2017, pp. 36–39.
21. Donenko N.N. *Preterpevschie do konca: svjashhenniki Krymskoj eparhii 30-h godov*. Simferopol, Tavrida Publ., 1997, 62 p.

22. Dubinchuk S.A. Gonenija na pravoslavnuju cerkov' v Krymu (1920–30 gg.): postanovka problemy i perspektivy issledovanija. *Tavrisheskie duhovnye chtenija: materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj 140-letijuotkrytija Tavrisheskoj duhovnoj seminarii (g. Simferopol', 12–13 fevralja 2013 g.)*. Simferopol, 2013, pp. 195–199.
23. El'jashevich V.A. Kratkaja istorija karaimskogo molitvennogo doma (kenasy) Sevastopolja. *Izvestija Duhovnogo Upravljenija karaimov Respubliki Krym*, Evpatorija, 2016, No. 20(29), pp. 19–21.
24. El'jashevich V.A. Kratkaja istorija karaimskogo molitvennogo doma (kenasy) Sevastopolja (okonchanie) *Izvestija Duhovnogo Upravljenija karaimov Respubliki Krym*, Evpatorija, 2016, No. 21(30), pp. 18–23.
25. El'jashevich V.A. Iz otveta gazzana Isaaka Sultanskogo na predpisanie Tavrisheskogo i Odesskogo karaimskogo gahama. Imushhestvo Sevastopol'skoj karaimskoj obshhiny i utvar' kenasy *Izvestija Duhovnogo Upravljenija karaimov Respubliki Krym*, Evpatorija, 2016, No. 21(30), pp. 23–27.
26. El'jashevich V.A. Istorija karaimskogo molitvennogo doma (kenasy) Karasubazara. *Izvestija Duhovnogo Upravljenija karaimov Respubliki Krym*, Evpatorija, 2017, No. 22(31), pp. 19–25.
27. El'jashevich V.A. Kollekcija svitkov Tory v karaimskoj kenase Feodosii. *Izvestija Duhovnogo Upravljenija karaimov Respubliki Krym*, Evpatorija, 2018, No. 27, pp. 13–18.
28. Zmerzlyj B.V. *Politika radjans'koj derzhavi shhodo Rosijs'koj Pravoslavnoj Cerkvi u Krimu v 1921–1929 rokah*. Abstract of kandidat. diss. Kyiv, 2001, 18 p.
29. Zmerzlyj B.V. Politicheskie dokumenty RKP (b) (VKP (b)), stavshie ideologicheskoy osnovoj zakonodatel'noj bazy v dele regulirovanija dejatel'nosti religioznych obshhin v SSSR (1920–1930-e g.g.) *Uchenye zapiski Tavrisheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Juridicheskie nauki»*, 2009, Vol. 22(61), No. 2, pp. 23–30.
30. Kirjushko M.I., Bojcov O.E. *Islam v Krimu: religijno-nacional'na samoidentifikacija krimsk'kotatars'kogo narodu*. Kyiv, Svitogljad Publ., 2005, 300 p.
31. Kondratjuk G.M. *Nacional'na politika v Krims'kij ARSR u 20–30 rokah XX stolittja*. Vinnicja, Nilan Publ., 2014, 251 p.
32. Katunin Ju.A. Politika gosudarstvennyh organov vlasti Kryma v otnoshenii cerkvi v 1927–1928 gg. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*, 1999, No. 7, pp. 218–222.
33. Katunin Ju.A. *Pravoslavie Kryma v 1917–1939 godah: problema vzaimootnoshenij s gosudarstvom*. Simferopol, Nata Publ., 2001, 416 p.
34. Katunin Ju.A. *Pravoslavnaja cerkov' i gosudarstvo: problema vzaimootnoshenij v 1917–1939 gg. (na materialah Kryma)*. Text of doctorat. diss. Simferopol, 2003, 508 p.
35. Kizilov M.B. Karaimskie tappuhim: unikal'naja kollekcija naversnij na svitki Tory iz fondov feodosijskogo muzeja drevnostej. *Karaimy Feodosii: istorija – religija – kul'tura*, Simferopol, Tavrida Publ., 2018, pp. 173–180.
36. Pavlenkova N.V. «Dvadcatki» karaimov Evpatorii. Arhivnye svidetel'stva 1920–30-h godov *Izvestija Duhovnogo upravljenija karaimskih religioznych organizacij Ukrainy*, Evpatorija, 2012, № 5(14), pp. 7–9.
37. Prohorov D.A. Istoriko-arhitekturnye ob'ekty i osobennosti zastrojki gorodov Krymskogo poluoostrova v kontekste istorii karaimov. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2015, Vol. 7, pp. 237–278.
38. Prohorov D.A. *Muzejnye kollekcii po istorii i kul'ture krymskikh karaimov*. Simferopol, Biznes-inform Publ., 2016, 320 p.
39. Ribak I.V. Osoblivosti radjans'koj religijnoj politiki v Krimu u drugij polovini 20-h rokov. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*, 2002, No. 36, pp. 106–109.
40. Ribak I.V. *Politika radjans'koj vladi shhodo Rosijs'koj pravoslavnoj cerkvi v Krimu (1917–1941 rr.)*. Abstract of kandidat. diss. Cherkasi, 2008, 20 p.
41. *RSFSR. Zakony i postanovlenija. Svod zakonov RSFSR*. Moscow, Sov. Rossija Publ., 1984, T. 1, 904 p.
42. *Revkomy Kryma: Sbornik dokumentov i materialov*. Simferopol, Krym Publ., 1968, 243 p.
43. Skrelja K.Ju., Prohorov D.A. K voprosu o pravovom regulirovanii aktov grazhdanskogo sostojanija *Nauchnyj vestnik Kryma*, 2018, No. 4(18). URL: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/297/pdf>.
44. Smirnov N. Klassovaja baza islama v Krymu. *Voinstvujushhij ateist*, 1931, No. 8–9, pp. 31–49.

45. Sovetskij Sojuz. Evrei v Sovetskom Sojuze v 1922–41 gg. *Jelektronnaja evrejskaja jenciklopedija*. URL: <http://www.eleven.co.il/article/15416#07>.
46. Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij Raboche-krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR. 1925, No. 30, St. 218, pp. 1–20.
47. Teper' za rabotu. *Majak kommuny*, 1925, may 6.
48. Tereshhuk N.M. Istorija karaimskoj obshhiny Sevastopolja v uslovijah polikul'turnogo obshhestva (vtoraja polovina XIX v. – 1920-e gg.) po dannym Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja. Mochalov V. (Ed.), *Materialy XVI ezhegodnoj Mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj konferencii po iudaike*, Moscow, 2009, pp. 287–298.
49. Tereshhuk N.M. K voprosu o lishenii izbiratel'nyh prav sevastopol'skih karaimov (na materialah Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja). *Nauchnye trudy po iudaike. Materialy XVIII Ezhegodnoj Mezhdunarodnoj Mezhdisciplinarnoj konferencii po iudaike*, Moscow, 2011, T. II, pp. 205–213.
50. Tereshhuk N.M. Vzaimootnoshenie religioznyh obshhin nehristsianskih konfessij s organami Sovetskoj vlasti v 20-e gody. *V poiskah utrachennogo edinstva*, Simferopol, 2005, pp. 217–226.
51. Tereshhuk N.M. Otnoshenija organov sovetskoj vlasti s evrejskimi religioznymi organizacijami g. Sevastopolja v 1920-e – nachale 1930-h gg. Krest'jannikov V.V. (Ed.), *Pamjat' o proshlom: Sbornik nauchnyh statej sotrudnikov Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja*, Sevastopol, Aref'ev Publ., 2007, pp. 200–205.
52. Feodosija. *Evrejskaja jelektronnaja jenciklopedija*. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/communities/14263/>.
53. Fesenko A.A. Lishenie izbiratel'nyh prav krymskih tatar v 20–30-e gg. XX stoletija v Sevastopole. Krest'jannikov V.V. (Ed.), *Sevastopol: vzgljad v proshloe: sbornik nauchnyh statej sotrudnikov Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja*, Sevastopol, Maksim Publ., 2006, pp. 257–262.
54. Fesenko A.A. Mulla Jusuf Rahimov v kontekste dejatel'nosti sevastopol'skoj mecheti (1914–1938 gg.). Vishnevskaja E.V., Stel'mah I.F., Zubarev A.V. (Eds.), *VIII Tavricheskie nauchnye chtenija: sbornik materialov*, Simferopol, Central'nyj muzej Tavridy Publ., 2007, Vol. 2, pp. 146–156.
55. Fesenko A.A. Politika organov gosudarstvennoj vlasti v otnoshenii musul'manskih obshhin g. Sevastopolja v 20–30-e gody XX stoletija. Krest'jannikov V.V. (Ed.), *Sevastopol: vzgljad v proshloe: sbornik nauchnyh statej sotrudnikov Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja*, Sevastopol, Maksim Publ., 2006, pp. 235–237.
56. Filimonov S.B. Po sledam pravoslavnyh svjatyh i relikvij, utrachennyh v poslerevoljucionnom Krymu. Vishnevskaja E.V. (Ed.), *II Tavricheskie nauchnye chtenija, posvjashhennye 80-letiju Central'nogo muzeja Tavridy (g. Simferopol', 25 maja 2001 g.): sbornik materialov*, Simferopol, 2002, pp. 60–63.
57. Hajruddinova Je.M. Osobennosti vzaimootnoshenij Sovetskoj vlasti i musul'man v Krymskoj ASSR (nachalo 20-h – konec 30-h gg. XX veka). *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki»*, 2011, T. 24(63), No. 2, pp. 134–139.

Информация об авторах

Прохоров Д. А. – доктор исторических наук, доцент кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Researcher ID: AAC-6172-2019.

Латышева Е. В. – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского.

Information about the authors

Prokhorov D. A. – Doctor of Science (History), Associate Professor at the Department chair of document science and archive science at the Taurida Academy and Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAC-6172-2019.

Latysheva E. V. – Doctor of Science (History), Professor at the Department chair of document science and archive science at the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.